

Авангардное садоводство

Питер Лэмборн Уилсон, Хаким Бей

1998 год

Авангардное садоводство

Если бы я не обнаружил, что люди Пурблинда одобрительно ораторствуют о наблюдении, а некоторые из них отменно отзываються о Возникновении; я, который никогда не был хозяином какого-либо значительного сада, не пытался бы заняться этим Предметом. Но Земля — это Сад Природы, и каждая плодородная Страна — Рай.

— Сэр Томас Браун, «Сад Кира. Или, Пятиконечные, Ромбовые или Сетевые Плантации Древних, Рассмотренные со Стороны Искусственности, Естественности, Мистики» (1658)

Видение посетило меня на прогулке по Нижнему Ист-Сайду Манхэттена, в районе, где я живу. Я повсюду видел сады. Каждый свободный участок был садом в миниатюре. Большая часть крыш была усыпана цветами, овощами и орнаментальными украшениями, что придавало каждому кварталу барочный тропический вид, делало их Висячими садами эдакого Вавилона-на-Гудзоне, или, скорее, на Ист-Ривер. Зрелые тенистые деревья стояли вдоль улиц, многие из которых были перекрыты и стали пешеходными. Встречалось меньше автомобилей, больше велосипедов и мини-мото-тележек, ручных повозок — и я даже заметил несколько конных. Жилые дома казались обтрепаннее, чем когда-либо, но были обильно украшены вездесущей летней зеленью. По краям парка Томпкинс-сквер сотня местных «фермеров» установили импровизированные ларьки и вели оживленный бизнес и бартерный обмен овощами, фруктами, яйцами, курицами [не одобряем — прим. пер. и ред.] и подобным, обмениваясь излишками с людьми из других частей города (где, я полагаю, было меньше садов и больше мелких производств и ремесел). У меня сложилось такое впечатление, что наш район славится своими свежими продуктами, душистым воздухом, певчими птицами, уличными ярмарками и тому подобным, но я вовсе не заметил толп туристов. Все выглядели расслабленными, но никто не осматривал достопримечательности. Где охочие до покупок европейцы?..

Идея понятна: это было видение Нью-Йорка, каким он мог бы стать «после революции».

Как и многие видения, это кажется особенно странным, потому что реальная ситуация в моем районе не просто отличается, а прямо противоположна тому, что я рисовал в воображении. Сады здесь не только не разрастаются, они фактически

исчезают. Медиа представляют наш район как экзотический Альтернативный Мир, богемный и преступный, — мини-спектакль, существующий в виде придатка к Мак-Диснейфикации города, превращению Нью-Йорка в «Нью-Йорк-ленд», в пустой образ мегаполиса, покинутого историей, который тем не менее остается раем для покупателей; в то же время городские управленцы, похоже, полны решимости стереть все признаки реального и еще сохраняющегося разнообразия в попытке превратить Манхэттен в слегка продвинутую версию торгового центра «Юниверсал Мол», дополнив его погромами против уличных торговцев и плюющих на улице людей (по примеру Сингапура). И одним из главных направлений политики является ликвидация самовольных садов в Нижнем Ист-Сайде и их замена хорошим жильем для людей «со средним уровнем дохода».

Последние годы отмечены растущим чувством гнетущей тоски и множеством тщетных протестов по поводу исчезновения садов. Адаму Перплу, который создал один из архетипических районных садов и видел, как Город разрушил его из чистой злобы, теперь угрожает выселение еще и из своей квартиры и бездомность. Однако даже больше, чем знаменитых исчезнувших садов, мне не хватает сметенного без малейшего ропота протеста небольшого зеленого уголка в моем квартале. Между переулком и пустырем сосед-пуэрториканец втиснул садовый сарайчик, цветочные горшки, настоящие и пластиковые цветы, гипсовую статую Девы Марии, рождественские лампочки и несколько странных белых домашних птиц, которых он называл «китайскими курицами». Мне было приятно слышать, как они кудахчут, когда я проходил мимо, и любоваться изумительной стеной голубых вьюнков, наполовину скрывавшей сад. Все это исчезло год назад, когда пустырь был продан застройщикам. Ничего не осталось, кроме огромной грязевой ямы, которая скоро станет хорошим жильем среднего достатка, по крайней мере, так можно предположить.

Как своего рода критик культуры, я нахожу, что мои работы и лекции часто концентрируются почти исключительно на негативной критике, и что те, кто склонен соглашаться со мной, часто чувствуют отсутствие каких-либо позитивных контрпредложений. Когда кто-то со всей искренностью задает старый вопрос Чернышевского: «Что делать?», я обычно отказываюсь отвечать. Я подозреваю, что некоторые люди используют этот вопрос как оправдание, как бы говоря: «Если ты не знаешь, что делать, как можно обвинять меня в том, что я ничего не делаю?». Более того, если бы вопрос был искренним и если бы я попытался ответить на него, меня бы обвинили в гуруизме или авангардизме. Однако самое главное: я не имею ни малейшего представления о том, «что делать». Иногда я говорю, что если бы я знал, то не стал бы рассказывать, поскольку такие драгоценные знания могут быть только секретом, а секреты можно только выведать, а не узнать. Излишне говорить, что такая уклончивость никому не нравится, в том числе и мне. Поэтому после моего видения мне пришло в голову — и чувство моего замешательства росло — что я действительно знаю, по крайней мере, одну вещь, которую можно было бы сделать. Циничный совет Вольтера в «Кандиде» — «Возделывай свой собственный сад» — больше нельзя считать просто аморальной остротой. Мир значительно изменился со времен Просвещения. Значения изменились. «Возделывай свой собственный сад» звучит сегодня как острое радикальное заявление. Выращивание сада стало — по крайней

мере потенциально — актом сопротивления. Но это не просто жест отрицания. Это позитивное действие. Это практика.

Я говорю «замешательство», ведь дело в том, что я не очень хороший садовник. В моей лачуге на севере штата в глубинке моя теория ландшафтного дизайна выходного дня сводится к строгой политике невмешательства: просто позвольте всему расти самому, расчищайте время от времени дорожку и погружайтесь в естественный дзен сорняков. Как и У.Б. Йейтс, я склонен наслаждаться чужими садами. Тем не менее я могу сослаться на одно или два своих реальных переживания, чтобы подкрепить теоретические рассуждения.

Когда я был молод, я проводил много времени на молочной ферме в северной части штата, одной из последних независимых ферм в округе. Трое сыновей фермера были хиппи и моими друзьями, но и сам мистер В. был выдающейся личностью, и мы все привыкли прислушиваться к его мнению с глубоким уважением. Среди вещей, которые я узнал от него, одна из самых запоминающихся касалась пастеризации молока, которую он осудил как мошенничество и суеверие — буквально «пережитком и поверьем», поскольку оно было введено в первую очередь для уничтожения туберкулина, — который, однако, уже давно был устранен путем аутбридинга во всех американских молочных стадах. Доказательством и неизгладимой памятью послужил вкус сырого только что полученного свободновыгульного коровьего молока в большом стеклянном кувшине из холодильника в жаркий весенний день после того, как мы с ребятами вернулись из Аппер Форти, где мы как раз закончили сажать (с озорного молчаливого согласия мистера В.) около половины акра марихуаны.

Я также кое-что узнал о садоводстве, когда моя покойная мать владела садом и придорожным магазинчиком трав в глубинке Коннектикута в 1970-х. Ее изначальный интерес возник благодаря специализации на травах в кулинарии, но по мере развития своего бизнеса она также узнала больше и о лечебных травах. Проведенные на Ближнем Востоке годы убедили меня в том, что растительные препараты бесконечно лучше (и дешевле), чем аллопатические средства [*конвенциональные медицинские препараты — прим. пер.*] при многих заболеваниях, поэтому я поощрял это направление исследований (однажды на Рождество я подарил ей факсимильную копию «Травника» Калпепера). Но мы обнаружили, что по закону моей матери было запрещено сообщать своим клиентам, что некая трава эффективна при некоей конкретной жалобе. Если бы ее спросили напрямую, она могла бы сказать, что эффект — «предполагаемый» или что его рекомендовали традиционные знахари. В Персии, конечно, не было Американской медицинской ассоциации, и *аттари*, или травник, выписывал лекарства бесплатно: подарок для бедняка, но скандал для современного врача. Мало того, что моя мать была слишком честна, чтобы обходить монополистские законы, которые, как она знала, были глупы и несправедливы, она также была слишком честна, чтобы держать в дополнение набор книг — и вскоре разорилась.

Термином *avant gardening* [*«авангородничество», игра слов, avant garde — авангард, gardening — огородничество — прим. пер.*] я обязан своим друзьям в *Xehoxial Endarchy/Dreamtime Village* (которая занимает примерно половину деревни Западная Лима, штат Висконсин). Запланированное именно как сообщество художников, *Дримтайм* никогда не обеспечивали себя земледелием, вместо этого уделяя особое внимание исследованиям. Например, тыквы выращивались для изготовления эксперимен-

тальных музыкальных инструментов, что привлекло к дримтаймерам ценителей тыкв, бахчеологов и тыквенных фермеров всей Америки. Руководящей философией в Западной Лиме была пермакультура, блестящий синтез всех альтернативных сельскохозяйственных тенденций XX века, которые в значительной степени пришли из Австралии. Пермакультура основана на биоспецифичности и разнообразии, устойчивости и удовольствии, производстве продуктов питания и эстетике. Единственная ее проблема — совершенство. Как идейные сообщества — или как всё утопическое — она «не в состоянии конкурировать» с глобальной системой, открыто основанной на грабеже, монополии, обнищании и сокрушительной силе чистого Капитала.

Но если что-то *в целом* разваливается, некоторые *конкретные* вещи могут сохраниться — моменты, в которых было достигнуто совершенство, сами по себе квази-вечные: ежевика во второй половине дня; белая плоть цветущих дурманов в августовском лунном свете у старой гостиницы; скитания по полям в поисках грибов и трав; удивительные Эффиджи-Маундз, насыпные сооружения из земли в форме гром-птицы, ящерицы, пантеры, медведя, или шамана-человека, сооруженные предками племен Висконсина; десятки тысяч курганов — словно в стремлении зачаровать весь ландшафт и сделать дикую местность садом образов.

Я жил в двух известных своими садами странах — в Англии и Персии. Англичане — откровенные фанатики, и даже жители больших городов возделывают небольшие городские наделы-аллотменты (без сомнения, остатки «совместностей» до Огораживаний [насилованная ликвидация общинных земель и обычаев в Европе на раннем этапе развития капитализма — прим. пер.] бок о бок со своими соседями. К тому же в Лондоне лучшая система общественных парков в мире. Фредерик Лоу Олмстед, основатель американской ландшафтной культуры общественных парков, испытал глубокое влияние лондонских парков и поздней романтической школы английских загородных озеленителей. Другая европейская модель того периода — французская, с ее картезианскими механическими садами и сдаваемыми напрокат стульями; Олмстед отверг ее в пользу *rus in urbe* (деревни в городе) и демократической открытости британской модели. Мне казалось, что вся духовность англичан была сведена к минимуму и сосредоточена в их садах, особенно в небольших загородных цветниках (хороший пример — сад у дома Энн Хатауэй в Стратфорде-на-Эйвоне), а также в величественных и меланхолических приусадебных парках в стиле Ланселота Брауна... Ивы, нависающие над благонаправленными фонтанами, фигурно вырезанные из крон деревьев монстры, лабиринты гипнотического лавра, мраморные обнаженные статуи в тени дуба и плюща... «зеленая мысль в зеленой тени» Эндрю Марвелла. Можно подумать, будто англичане вложили в эту форму искусства не только свой мистицизм, но и эротизм.

Однако в *эросе* персидского сада нет никаких сомнений. Английское слово *paradise*, «рай», происходит от древнеперсидского слова, обозначающего сад [*firdaus*], и с незапамятных времен персы были известны как хозяева *hortus condusus*, закрытого сада засушливых экокультур Ближнего Востока и Центральной Азии. Во времена династии Тан китайцы впитали часть этой персидской садовой культуры и передали ее Японии, хотя изменение климата сделало преобладание форм неочевидной (персидский сад попал в Новый Свет через мавританскую Испанию). Суть этого комплекса — обнесенный стеной сад как рай, как трансмерный срез потустороннего мира, где происходит танец природы и воображения. Стихи о Саде в Коране отражают гораздо более древнюю традицию, которая пришла из Персии и давным-давно оказала влияние и на авторов Книги Бытия. В суфийском изречении, обычно приписываемом Пророку, три вещи «этого мира» объявляются духовно значимыми: «вода, зелень и красивое лицо». В этой триаде первые два образуют обстановку для третьего или, возможно, для его отсутствия. В качестве оправы для отсутствующего драгоценного камня (то есть возлюбленной) персидский сад достигает своего эффекта как за счет пустоты, так и за счет богатства присутствия. Английские сады переполнены. Персидские сады более чем наполовину пусты. На контрасте с пустыней или городом за ее стенами персидский сад должен состоять не более чем из света и тени, дерева хурмы, горшка с тюльпанами, звука воды. Небольшой павильон посреди обнесенного стеной фруктового сада (как Наранджистан, или Апельсиновый сад в Ширазе), создает пространство для этой образной диалектики — и, конечно же, для любви. Эзотерическая, но эротическая скудость садового словаря Персии вновь появляется в Японии как преднамеренное культивирование пустоты. В дзен-садах можно обнаружить определенную прохладу или аскетизм, которые чувствовались бы неуместными в персидском саду, который никогда не забывает о своей развлека-

тельной функции: места физического удовольствия, места для пикника и праздника. Шираз прославился совершенством своих садов, но даже лучшие из них достигают своего эффекта почти монохромной простотой, своего рода элегантным домашним уютом, отраженным в поэзии Хафиза Ширази, который редко упоминает какой-то цветок, кроме розы, или какое-то дерево, кроме кипариса. Прежде всего персидский сад создает правильную обстановку для соловья или для персидской музыки — а великие сады-ковры Ирана действительно похожи на застывшую музыку.

Люди не так давно занялись садоводством: идея этого занятия скорее всего зародилась где-нибудь в Малой Азии или Большом Иране всего за несколько тысяч лет до того, как были введены эти географические термины [*Большой Иран — территория современного Ирана, Азербайджана, Центральной Азии, Афганистана, Пакистана и Турции, Малая Азия — срединная часть территории современной Турции — прим. пер.*]. Так называемая Первая аграрная революция в конечном итоге привела к возникновению первых настоящих государств, наряду с рабством, данью, долгом, классической войной, человеческими жертвоприношениями и другими благами прогресса и цивилизации. Однако в течение первых шести миллионов лет существования гоминидов (или около того) общество было организовано вокруг охоты и собирательства, а кроме того — неавторитарной племенной структуры. Тогда возникает очевидный вопрос: несет ли сельское хозяйство какую-то ответственность за возникновение иерархии и экспроприацию? Было ли сельское хозяйство *ошибкой* с точки зрения Социального?

Антропологи классифицируют определенные общества как сообщества «примитивных земледельцев», подразумевая, что эволюция в конечном итоге превратит их в настоящих земледельцев. Я предпочитаю старомодный термин «растениеводы» [*англ. horticulturalists*] или садоводы-огородники. Однако эти люди не тратят четырнадцать часов в день на выкапывание батата. Растениеводы в своих умонастроениях часто оказываются привержены идее нулевой работы. Они выращивают несколько кухонных трав, психотропов и крахмалистых корней, потому что так проще, нежели собирать их — но охотятся и собираются как для удовольствия, так и для выживания. Политическое устройство их сообществ — общинное и неавторитарное, в этом они мало чем отличаются от круглосуточных охотников, будучи, правда, при этом более оседлыми. Если сельское хозяйство как таковое относится к неолиту, то можно сказать, что растениеводство относится к мезолиту, хотя даже сейчас все еще существуют народы, которые считают такой образ жизни более чем приемлемым. Представление о том, что растениеводство должным образом и неизбежно ведет к сельскому хозяйству, которое ведет к промышленному сельскому хозяйству, которое, в свою очередь, ведет к биоинженерии и прочему, — это определенная перспектива, которая может быть достигнута только при узости ретроспективного взгляда. Я не верю, что в биоинженерии есть что-то предопределенное, хотя этот путь и может оказаться фатальным. Я не вижу внутренней причины, по которой что-либо неизбежно ведет к чему-либо. Все могло сложиться по-другому. И все еще может.

Охотник может знать голод, но никогда — «дефицит» в противоположность «избытку». Охотник может быть довольно активным, но никогда не «работает». Точно

так же и садовод-огородник. Работа приходит только вместе с сельским хозяйством — или сельское хозяйство начинается с работы. В любом случае результат один. Фараон, семь лет голода, государственные зернохранилища, рождение невольника-илота. Учитывая эти необъяснимые нелепости, приходится признать, что железный закон развития, похоже, неумолимо указывает нам двигаться вперед к пищевым фабрикам, облученному молоку, безвкусным овощам, искаженному гормонами мясу, приватизации всей биосферы и, конечно, еще семи годам голода.

Шарль Фурье (1772-1837), «утопический социалист», не сомневался, что сельское хозяйство было ошибкой. По его мнению, растениеводство не только производило лучшую пищу, но и было формой «притягательного труда». То есть не *работой*, а продуктивной формой удовольствия. Утопия Фурье основывалась на предпосылке, что мощное эротическое притяжение было единственно справедливой основой для человеческого общества. Как только каждый сможет заниматься притягательной деятельностью — включая сексуальную и художественную — такие формы производства, как садоводство-огородничество, будут рассматриваться как оргиастически приятные. Поскольку 1620 членов фаланги выращивают большую часть своей собственной пищи, и поскольку все они гурманы (или, скорее, «гастрософы»), удовольствие от плодовоовощеводства будет усиливаться ожиданием накрытия стола. Любимым примером Фурье был грушевый сад. Он разработал романтический ритуал в жанре галантных сцен *fêtes galantes*, сопровождающий процесс растениеводства, представляющий достаточно времени для любовного флирта и закусок из пяти блюд. Фурье забавлялся, воображая шуточные войны между фанатичными приверженцами различных сортов груш. Он обращает вспять просвещенческую оценку чувств и обнаруживает, что осязание и вкус более важны, чем зрение и слух, но что запах является «стержневым» и самым центральным. Все живые существа (включая звезды и планеты) связаны «ароматическими лучами», которые следует одновременно рассматривать как половые органы. Они невидимы для цивилизованных людей, но станут видимыми, как только будет установлена «Гармония» (т.е. утопия). Поэтому неудивительно, что Фурье считал цветоводство чем-то большим, чем просто хобби. Его собственные захудалые съемные комнаты в Париже всегда были забиты цветами в горшках, папоротниками, виноградными лозами и другими растениями, и еще кошками. Я представляю себе джунгли Анри «Таможенника» Руссо в коробке Джозефа Корнелла. Фурье в выцветшем сюртуке, тратящий свое жалованье на орхидеи и маленькие парижские пирожные.

Если сельское хозяйство кажется неразрывно связанным с иерархией и разделением, то «развитие» этого разделения можно проследить по линии истории агрокультуры. Сельское хозяйство само по себе представляет собой одно действительно новое событие в *ойкономии* человечества (слово «экономия» первоначально означало «домашнее хозяйствование»). В некотором смысле Промышленная революция — просто эпифеномен сельского хозяйства. Когда-то пищу мы добывали охотой и собирательством — теперь мы питаемся сельскохозяйственной продукцией, и ни атомная бомба, ни интернет не изменили этого основного факта. Но сейчас мы можем оказаться на пороге третьей стадии производства пищи — конца сельского хозяйства в любом значимом смысле этого слова. Сама пища уже давно «коммодифицировалась», превратилась в товар, — на самом деле это и есть определение

сельского хозяйства. Капитал уже достиг теоретической стадии, на которой в товар превращается сам жизненный процесс. Растения все еще выращиваются в земле, но теперь сами их ДНК могут принадлежать транснациональным корпорациям. Семена таких растений, как куркума и рис басмати, уже запатентованы, и не существует теоретической или фактической причины, по которой нельзя было бы владеть всеми ДНК растений и животных. Уже предпринимались попытки запатентовать ДНК человека, и в настоящее время правовой статус таких претензий находится в стадии обсуждения. Но принцип «интеллектуальной собственности» на природу — *решающее* огораживание — похоже, стал основой глобального мирового порядка и его экономики.

Тем временем технологическая тенденция в бионауке все больше отклоняется от таких старомодных систем, как половое размножение. Современное индустриальное (или постиндустриальное) сельское хозяйство не только является формой антибиоза, т.е. отрицания жизни ради прибыли, — оно также открыло средства устранения неряшливых факторов плодородия из производства животных и растений. Биоинженерия, по сути, направлена на устранение сексуальности как средства передачи генетического материала, и ее очевидным *телосом*, predetermined целью, является клон. Похоже, Фуко был в большей степени прав, чем сам думал, когда говорил об «исчезновении сексуальности». Эротическое не только сводится к образу эротического, но и сам секс упраздняется (или отменяется) экономикой бесполого размножения. Естественно, что деньги достигают кульминации в таком «припадке истории», поскольку сами деньги воспроизводятся бесполом путем (за счет процентов по долгу) и, таким образом, выигрывают, если саму жизнь можно отменить и заменить новыми и лучшими решениями проблемы желания. Это, если хотите, составляет мистицизм Капитала, его гностическое желание превзойти тело в апофеозе чистого обмена, свободного, наконец, от тяжести простого (вос)производства. И происхождение этой мистики можно проследить в средневековых тео-правовых концепциях, таких как «два тела короля» (см. блестящую книгу Канторовича на эту тему) или «Корпорация», своего рода бестелесное правовое лицо, финансовый призрак. Такие «фиктивные правовые лица» теперь правят миром. Национальные государства в значительной степени отказались от неравной борьбы с банками и *дзайбатсу* [японское сленговое название транснациональных корпораций]. На самом деле единственные принципиальные критические замечания и отказы от триумфального Капитала сейчас (примерно с 1994 года), похоже, исходят от того, что раньше называлось Четвертым миром. Племенные народы, народы без государств, последние охотники и жители лесов, растениеводы и свободные крестьяне — они находятся на передовом рубеже сопротивления Капиталу, потому что живут на том рубеже, где нож Капитала режет наиболее остро. Никто не понимает концепцию «биоразнообразия» более ясно, чем человек, чья жизнь и средства к существованию являются непосредственной его частью. По этой причине, следовательно, наиболее красноречивая критика биоимпериализма исходит не из Европы или Северной Америки, а, например, из Мексики или Индии. К тому времени, когда большинство из нас, «людей Запада», осознает реальные проблемы, может быть уже слишком поздно. В конце концов, мы тоже (мы-«диссиденты») занимаем рыночную нишу, а на половине сухих зерновых завтраков в супермаркетах написано «натуральный

продукт»! До нас еще не дошло ничего похожего на уверенность, испытываемую, скажем, коренными жителями Чьяпаса, в том, что на карту поставлена сама жизнь, не метафорически, а экономически. То есть: в действительности.

Существует ли духовный аспект не только самого Капитала (я имею в виду его тенденции к бестелесности), но и сопротивления чистому Капиталу? Станет ли такое духовное сопротивление частью обратного облечения в телесность (re-embodiment), духовности материального? Мы могли бы предположить, что так и будет, при условии, что мы не будем придерживаться ни инфраструктурной/надструктурной модели материалистов, ни каких-либо других метафизических глупостей. Дух настолько реален, насколько это необходимо для того, чтобы его воспринимали всерьез. Я имею в виду, что опыт необычных когнитивных состояний представляет интерес для теории независимо от того, как мы концептуализируем такие явления, стоим ли мы на материалистических или мы или идеалисты. Идеи, архетипы, альтернативные сознания и даже призраки имеют свою собственную историю и оказывают влияние на историю, потому что являются частью человеческого опыта.

С этой точки зрения, идеология или духовная история сельского хозяйства раскрывается на уровне образа. Или, если быть более точным, на уровне воображения, поскольку воображение проникает в историю в ритуале и мифе. Сельское хозяйство само по себе представляет собой образ сетки врезанных в землю прямых линий (вовсе не образ сада), и отражается в небо сеткой звездных и планетных движений. Таким образом, календарь является первым идеологическим текстом, созданным сельским хозяйством или с его помощью. Сетка сельского хозяйства концептуально исключает «хаос» дикой природы, мир охотника/шамана. Она устанавливает границу, которая определяет порядок в первую очередь как разметку земли на экономические объекты. Все, что ускользает от этой символической экономики, рассматривается как необъяснимое и негативное. С одной стороны — дикий охотник, шаман, бесформенность леса, с другой — прирученный фермер, священник и архитектура культивируемого пространства. Внутри этой архитектуры будут выситься пирамиды, в то время как снаружи будет угрожающе таиться образ заброшенности и распушенности, мира без разделения — бесконечно соблазнительного, бесконечно запретного.

Сад стал теперь восприниматься как потерянный золотой век. Как магическая связь или порог между природой и культурой, заключенная в пространстве вне времени. Сад свободен от проклятья труда. Деревья плодоносят без помощи людей, животные разговаривают, повсюду растения силы [англ. power plant — электростанция — прим. пер], а Адам и Ева — пророки (то есть *каждый* — шаман). В языческих версиях мифа о сотворении мира мы узнаем, что чувственность сада не нарушается моралью или представлением о собственности. Золотой век полиморфно порочен. Другими словами, если образ сельского хозяйства — это разделение и работа («в поте лица твоего»), то образ сада остается образом удовольствия и свободы. Только теперь он становится запретным. Мы должны трудиться, ибо мы пали. Когда умрем, нас будет ждать пирог на небесах. Забудьте о садовой автономной зоне. Экономика — это страдание. А время — деньги.

Но поскольку люди порочно продолжают заниматься садоводством повсеместно, мы можем заподозрить, что сад или образ сада — это своего рода сопротивление сельскому хозяйству или полный отказ от него. Элита присваивает себе удовольствие от сада точно в том же духе, как присваивает приятные аспекты всех устаревших экономик, вроде охоты. Но простые люди также упорно занимаются садоводством и охотой — то есть они защищают свои «древние права» на общее достояние, совместность, парк для Каждого — и если им отказывают в удовольствии охотиться, они браконьерствуют.

В наше время образ сельского хозяйства (укрощение дикого плодородия) входит в обширный комплекс единого создаваемого глобальными медиа образа Капитала, постоянно меняющегося, и все же парадоксально статичного и инертного. А этот глобальный образ взаимно проникает в сельское хозяйство. Таким образом, в то время как в основе Образа сохраняются шаблон поля и календарь (как оккультная основа), они становятся бессознательным предопределенного миропорядка. И на этой основе создается целая образная система, охватывающая все остальное. В свою очередь, глобальный образ колонизирует сельское хозяйство и все больше и больше превращает его в самого себя, то есть в чистый образ.

Вместо груши Фурье в качестве примера давайте взглянем на яблоко. Штат Нью-Йорк когда-то производил 106 различных сортов яблок, и каждое из них выглядело по-разному и имело разный вкус. Это разнообразие, несомненно, радовало любителей яблок, но оказалось довольно неэффективным с точки зрения рынка. Было бы гораздо разумнее, если бы было только три или четыре вида яблок. Внешний вид и срок годности были бы важны, но не аромат. На самом деле, аромат должен быть устранен, потому что разным людям нравятся разные ароматы. Это «иррационально». Однако, если все яблоки одинаковы на вкус и выглядят одинаково, и если все они на вкус очень похожи на сырой картофель и выглядят как юнговские архетипы, то скоро все забудут, что яблоки когда-то были разными. Самое важное в этом процессе — образ. Яблоко стало частью тела Образа, глобального *воображаемого*, универсального неизменного мистического вихря контроля, гегемонии, разделения. Яблоко выходит за пределы произвольных бранных тел рассетов, вайнсепов, пиппинов, этого паданца или того кислого зеленого, подходящего для пирога, или этого помятого, подходящего для сидра. Чародеи-генетики торжествуют, и вскоре остается только одно чистое Яблоко. Сады штата Нью-Йорк приходят в запустение и зарастают кустарником или их вырубает ради строительства жилых комплексов. Сколько выживет из 106 разновидностей?

Растениеводство и сельское хозяйство, если посмотреть с одной точки зрения, кажутся противоположностями, хотя с другой — они явно связаны. Яблоко можно рассматривать как продукт растениеводства или как продукт агрокультуры, но понятие ботанического вида включает и то, и другое. Возможно, мы могли бы сказать, что сельское хозяйство состоит из капитализации растениеводства. Это «развитие» экономисты считают естественным, но с духовной точки зрения, изложенной выше, изменение, связанное с превращением яблока в Яблоко-товар, кажется полным смысловым смещением и своего рода предательством. По сути (перефразируя Дебора, перефразируя Маркса, перефразируя Гегеля), все, что когда-то было частью фактического опыта, уходит в представление. Яблоко-товар состоит скорее из образа,

чем из действительности: оно предстает как дух, отделенный от тела. Но дух и тело едины, и образ — это не сама вещь. Карта — это не территория. Древние иконоборцы пытались объяснить это, но были приняты за всего-навсего вандалов. У собаки потечет слюна при запахе кости, но можно заставить слюну человека течь и при виде пенни (это цена булочки). Нет ли в этом чего-то «неестественного»? Вальтер Беньямин описал силу образа-как-товара через «утопический след», слабое дуновение реальности, заложенное в товар в качестве приманки. Тоскуя по вкусу яблока, мы поддаемся (снова и снова) соблазну бесконечно малого следа, следа отсутствия.

В момент торжества глобального Капитала глобальный Образ достигает своего рода завершенности, насыщенности и паралича. Когда все превращено в образы, для работы воображения не остается места. Воображение предполагает свободную циркуляцию образов, но в царстве конечного Образа не может быть места для движения, только универсальный тупик представления. С той точки зрения, которую я пытаюсь здесь вызвать к жизни, можно сказать, что образ сельского хозяйства — космическая сетка — составляет основное условие тупика образов, кризиса Образа. Символика сельского хозяйства оказывается в тесной связи с символикой иерархии и экспроприации. Собираательство и садоводство-огородничество превращаются в работу, избыточный труд экспроприруется, а религиозные культы развиваются ради обеспечения идеологического оправдания новых страданий очень многих и роскоши немногих. И эта идеология находит свое совершенное выражение в деньгах (или «чистом обмене»), которые сами по себе являются не чем иным, как символом и образом. И этот образ расширяется и расширяется, пока не охватит каждый объект и каждое отношение, каждое растение и животное, каждый символ или представление. Наконец, больше не существует «внешнего» Образа, поскольку все теперь находится внутри него. Точно так же, как человеческие отношения больше нельзя представить вне повсеместности обмена, так и никакая воображаемая деятельность теперь не может находиться вне повсеместного Образа. Грань между диким и прирученным, наконец, стерта. Выхода нет — или, как выразился Беньямин, это улица с односторонним движением [В. Беньямин, *Einbahnstraße*, 1928].

Сельское хозяйство можно рассматривать как посредника среди других медиа. Дюжина или около того мега-зайбатсу, которые контролируют большую часть продовольствия в мире, являются посредниками между землей и потребителем, и это посредничество определяется системой образов или символов, как и во всех других медиа. Если сельскому хозяйству удастся «оставить землю позади» с помощью биоинженерии и клонирования, то от земли (т.е. от биосферы) не останется ничего, кроме образа. Поскольку это начало происходит, мы можем сказать, что теоретически это уже произошло. Этот переход к чистому образу представляет собой, так сказать, Вторую аграрную революцию.

Как могут существовать «внешние медиа» (цитируя голландскую группу медиа-теоретиков *ADILKNO*)? Если Образ стал вселенной, где можно найти *другое* место?

С точки зрения медиа в обычном смысле этого слова (литература, драма, кино, музыка, телевидение, интернет и т.д.) этот вопрос о *внешнем* составляет проблему авангарда. Исторически авангарды заботились о том, чтобы пробиться в различные новые внешние стороны. Но каждый внешний один за другим уходил внутрь (после небольшого дискомфортного волнения разных душевных консерваторов) — до

тех пор, пока снаружи больше не оставалось ничего, что можно было бы завоевывать. Вся работа авангардов, по сути, свелась к рекламе. Восстание — это просто еще один кабельный канал, а сопротивление означает сопротивление продажам. Авангард сделал себя невозможным. Авангардов больше нет, есть только маргинальные рыночные ниши.

Если бы меня спросили, что делать в этой ситуации, мне было бы трудно ответить. Если бы я мог придумать внешнее медиа, я мог бы каким-то образом воздействовать на него, но вместо этого я все еще пишу книги для небольших радикальных издательств. Однако во время или немного позже моего вышеупомянутого видения сада в Нижнем Ист-Сайде мне пришло в голову, что сельское хозяйство, рассматриваемое как посредник, как среда, похоже, имеет *«внешнее»*. И это — садоводство-огородничество. Правдиво утверждение, что садоводство — не революция, не каждый садовник превращается в радикального приверженца контркультуры. Правдиво, но, возможно, в долгосрочной перспективе менее интересно, чем тот факт, что садоводство предшествует сельскому хозяйству и внеположно ему: жизнестойкость сада представляет собой своего рода диалектический негатив по отношению к сельскому хозяйству. Это относится и к охоте, до некоторой степени и современной, с тем ограничением, что охота — это исключительная роскошь. Ее «цена» — от пятидесяти до ста квадратных миль первозданной дикой природы, кормящих одну крошечную группу охотников. Но садоводство — это не просто критика. У него есть и позитивная. Оно действительно производит хорошую пищу и другие блага, которые существуют вне обменного комплекса или, по крайней мере, несколько вне его. То есть садоводство — это «праксис». Более того, это форма искусства, область творчества, столь же богатая и многообещающая, как и любая символическая деятельность, и которая может грубо, но с легкостью выйти за рамки репрезентации и посредничества. Оно может функционировать как важная часть «повседневной жизни» в радикальном смысле этого термина. Короче говоря, мне пришло в голову, что, возможно, единственный возможный авангард — это авангард-огород.

Не успела эта мысль прийти в голову, как начала казаться абсурдной. Возможно, я поддался не более чем фантазии в духе Фурье или даже романтическому заблуждению о «примитивном». Но затем большая часть чтения и опыта начала организовываться вокруг этого соображения более или менее спонтанно и синхронно. Я долго размышлял о разнице между палеолитическим собирательством и неолитическим сельским хозяйством, и мне стало ясно, что я пренебрег третьей величиной, *tertium quid*, осью (как сказал бы Фурье), то есть растениеводством так называемого мезолита. Я не только по-новому взглянул на Фурье, но и начал понимать, как эта идея может быть связана с биополитикой настоящего. Микрокосм района Алфавит-сити теперь открылся для макрокосмического рассмотрения садоводства-огородничества в целом. Некоторые яркие детали начали собираться вокруг основного предложения. Сначала появились выводы, позже я вернулся к теоретической структуре, которую уже пытался изложить в предыдущих параграфах. Ради «хорошей прозы» я изменил порядок своих мыслей и, таким образом, возможно, создал впечатление логического прогресса от общих принципов к частностям. Однако его не было. Я не претендую на научный анализ или даже рациональность. В конце концов, этот текст состоит не из чего иного, как из попытки объяснить видение — а это заведомо двусмысленная задача. Тем не менее, вот несколько моих выводов:

1. Выращивая свою собственную пищу, можно в какой-то степени «избавиться от посредника» (или «преодолеть посредничество»). Хотя вы все равно будете пересекаться с Капиталом во многих отношениях, возможно — покупая землю (хотя можно и сквотировать), совершенно точно — покупая инструменты, семена и прочее, даже так вы сможете выращивать вкусные органические фрукты и овощи, не платя «Монсанто» или «Дженерал Миллс». Если не можете жить бесплатно, живите дешево. Можете обменяться со своим соседом кабачками на свежие яйца. Может возникнуть бартерная сеть.

2. Даже несмотря на то, что Капитал всегда побеждает конкурирующие системы на глобальном уровне, практика пермакультуры — или любой другой альтернативной формы сельского хозяйства или растениеводства — все еще может иметь смысл на местном уровне. В конце концов, выращивание собственной пищи еще не является незаконным, хотя патентование ДНК может вскоре сделать незаконным посев собственных семян (я предвижу интересный черный рынок «незаконных» семян). Возможно, больше не удастся «мыслить глобально, действовать локально», согласно старому ситуационистскому лозунгу, поскольку глобальное мышление по определению рискует абсорбироваться в глобальный Образ — но все еще остается возможность действовать локально, даже индивидуально. Как говорят анархисты, даже свобода одного добавляет свободы всем...

3. Простой садовод-любитель добавляет толику свободы в жизнь, получая непосредственный опыт: выращивая, нюхая, пробуя плоды на вкус. Но политически сознательный огородник делает больше. Осознавая сад не только как своего рода автономную зону, но и как акт сопротивления, авангардный садовод повышает ставки, придает смысл действиям, устанавливает стандарты и сознательно объединяется с другими в общем деле. Если в садоводстве существует духовный «путь», а

также художественная составляющая, то также существует и политическое измерение, определенный уровень осознания и четкая программа действий. В отличие от многих «франшизных вопросов», которые пережили крах социального движения в 1989-91 году, радикальное садоводство включает в себя вещественные вопросы, вопросы «материально-телесного принципа», поверхностного уровня. Недавно один друг сказал мне, что он посвящает себя «борьбе с фашизмом в интернете». Хотя можно задаться вопросом, что именно может быть поставлено на карту в такой форме активизма, мне кажется, что в радикальном огородничестве гораздо меньше двусмысленности. Нет сомнений в том, что здесь поставлено на карту: «земля и свобода», еда, творчество, удовольствие. Что вы получите, если выиграете виртуальную битву? На мой взгляд, вряд ли что-то настолько же важное, как действительно хороший помидор.

4. Выращивая лечебные травы, можно преодолеть определенную степень медико-фармацевтической тирании. Несмотря на попытки Американской медицинской ассоциации и фармацевтических компаний запретить фитопрепараты, уже существует процветающий бизнес в области трав, который все еще в значительной степени не поглощен монополиями и транснациональными корпорациями. Конечно, фитопрепараты также могут производиться крупными фармацевтическими компаниями, особенно если они владеют ДНК растений. В настоящее время многие растительные препараты дешевле (а в некоторых случаях и эффективнее), чем их аллопатические конкуренты. Но это может измениться, если *зайбатсу* решат прекратить критиковать травы и начать скупать их — и продавать под торговыми марками (конечно, в какой-то степени это уже началось). Дело, конечно, не в том, что травы сами по себе как-то мистически политически правильны. А в том, что они дешевле, чем аллопатические средства, и (что даже лучше) находятся вне контроля врачей и аптек. Иван Илич однажды сказал мне, что люди могут стать такими же «медикализованными» с помощью альтернативных лекарств и методов лечения, как и с помощью общепринятых. Быть прикованным к какой-либо «системе здравоохранения», считал он, — значит считать себя больным. Надо освободиться от этой «болезни», а не стать ее жертвой. В этом смысле нью-эйджевая одержимость здоровьем освобождает не больше, чем «немезис» официальной одержимости здоровьем. Еще один интересный аспект употребления трав — их возможно выписывать себе самостоятельно. Эта степень «свободы от медицины» в равной степени осуждается Американской медицинской ассоциацией и нью-эйджерами, которые соглашаются с важностью роли *эксперта*. А вот для радикального садовода это является важным моментом.

5. Мое личное суеверие: вкусная еда — это здоровая еда. Я научился видеть «ауры», как мадам Блаватская сказала бы, заметив, что у овощей из супермаркета нет никакой ауры совсем. Овощи на фермерском рынке имеют заметную ауру. Наличие ауры, ореола у здоровой дыни или груши, обычно гарантирует аромат. Это касается и продуктов животного происхождения. Не думаю, что вы сможете получить какие-либо оргонные показания от упаковки пастеризованного гомогенизированного гормонизированного обезжиренного молока. В Иране у нас были яйца от кур свободного выгула (все предки которых также были свободновыгульными). Желтки были темно-ярко-оранжевыми и, конечно, иногда содержали нерожденных цыплят. Я помню, что большинство американцев в Тегеране были в ужасе от этих яиц. Они «были

странными на вкус», «пахли как скотный двор» и т.д. Но это были лучшие свежие яйца, которые я когда-либо ел, и ни одно американское «органическое» яйцо, похожее, не идет ни в какое сравнение. Иранцы называли выращенных на **птицефабриках** куриц «американскими птицами».

Я вырос в той части Нью-Джерси, где в 1950-е годы все еще производились всемирно известные сезонные плодоовощеводческие деликатесы, такие как кукуруза, персики и помидоры. Но прошли годы с тех пор, как я в последний раз ел помидор из Джерси, вкус которого представлял что-то помимо красного **пищевого** красителя №3. Несколько лет назад я наткнулся на каталог семян с фермы «хранителей семян» где-то на юго-западе. Вступление начиналась словами: «Помните, какими *раньше* были помидоры на вкус?» — и к тому времени, когда я дошел до конца абзаца, я был буквально в слезах. Я узнал, что сорта семян моего детства больше не используются в коммерческих целях даже большинством мелких фермеров, потому что они не устойчивы к новым инсектицидам. Но семена были сохранены, и если за ними ухаживать в собственном саду, это даст желаемый результат. Это напомнило мне о важности «банков семян» (неудачный термин, я бы предпочел старомодный «ботаническая коллекция», несмотря на привкус эпистемологии девятнадцатого века). Когда агропромышленный комплекс вмешивается в генетику и навязывает «новые чудо-зерна» целому региону (часто с катастрофическими результатами, поскольку появляются новые паразиты и болезни, которые специализируются на новых семенах), биоразнообразие этого региона уничтожается. Старые виды семян, которые не подвергались риску со стороны новых оппортунистов, теперь были утрачены. Результатом является голод, как в Африке после «зеленой революции». Таким образом, сохранение семян — это не просто вопрос хорошего вкуса (как бы это ни было важно), но и сопротивления биоимпериализму. В последнее десятилетие некоторые хранители семян рыскали по лесам северной части штата Нью-Йорк в поисках потерянных яблоневых садов и фактически сумели спасти ряд сортов, которые считались вымершими. Фермерские рынки теперь продают несколько десятков различных сортов яблок в сезон, и небольшая сеть независимых садов, заводов по производству сидра и т.д. начинает предлагать некоторые экономические возможности в округах, которые были сведены к вотчинам IBM или различных компаний-застройщиков. Лично я предпочел бы одно яблоко сорта джонатан, чем целый бушель яблок вайнсап из супермаркета, даже если первое стоит столько же, сколько последнее. Но это не так. На фермерском рынке яблоки стоят лишь немногим дороже, чем коммерческие бренды. Наш биорегион обладает большим потенциалом для плодоовощеводства, для садов, для независимых молочных ферм. Я часто думаю об Икабоде Крейне Вашингтона Ирвинга, всегда голодном, едущем на своей тощей кляче на званый ужин в честь Дня благодарения в Сонной Лощине. Проезжая мимо различных ферм и полей во время сбора урожая, он представляет, как кукуруза превращается в пудинги, тыквы — в пироги, яблоки — в крепкий сидр, индейки — в жаркое. Это тоже было видение Нью-Йорка, локальная мысль. Однажды я слышал, как Алан Уоттс сказал: «Если ты хочешь быть хорошим поваром, ты должен *любить* овощи», и он сказал это с чувственной ухмылкой. В видении Икабода есть часть *эроса* этого афоризма — гастрономическое откровение, духовность праздника, как в книге Бахтина о Рабле.

6. «Выращивай свое собственное» раньше было девизом, адресованным курильщикам марихуаны, — и это безусловно, все еще хороший совет в эпоху унции за 1000 долларов. Однако теперь, когда последствия биоинженерии начинают осознаваться, становится ясно, что призыв выращивать свое собственное стал радикальным лозунгом, применимым не только к марихуане. Возделывайте свой собственный сад. Выращивайте свои собственные помидоры. Растите своих собственных детей.

Кое-что еще предстоит сказать о психотропном садоводстве. Оно делится на две категории: незаконное и полуполезное. Огромное количество психотропных препаратов не занесено в список или пока не занесено в список, в том числе различные виды аяхуаски, *Salvia divinorum*, кактус Сан-Педро, эфедра, гармала, *Amanita* (не уверен, что мухоморы можно культивировать, но остальные можно). Вьюнки пурпурные, и, если уж на то пошло, спорынья, все еще разрешены (семена вьюнка пурпурного коммерчески упакованы с ядами, чтобы препятствовать рекреационному использованию, но вы можете посадить их и собрать свои собственные чистые семена). Плодородные семена конопли полностью запрещены в США. Все «конопляные» продукты, которые в настоящее время наводняют рынок США, выращиваются за рубежом и не содержат тетрагидроканнабинолов. Если бы каннабис когда-либо был легализован, «Монсанто» запатентовала бы ДНК, правительство получило бы огромные налоговые льготы, независимые производители были бы разорены, а «потребители» получили бы генетически модифицированный однородный продукт, аналогичный коммерческому шоколаду и табаку: эти бывшие психотропными вещества теперь денатурированы и превращены в сугубо вызывающие привыкание товары. Несмотря на ужасы Сухого закона (40000 лет тюрьмы за травку, 40 лет за ЛСД и т.д.), легализация запрещенных наркотиков была бы еще большим ужасом. В любом случае этого не произойдет. У Великого Шайтана слишком много денег и власти, вложенных в Войну с (некоторыми) наркотиками. В конечном счете, это тоже сводится к следующему: психотропы действительно каким-то образом противостоят ложному Порядку, который представляет себя в Глобальном Образе. Энтеогенный опыт не гарантирует, что он просветит всех или превратит всех нас в радикалов. Но в долгосрочной перспективе возможность доступа к необычным модусам сознания (например, «действенным таинствам» и «демократическому шаманизму») угрожает универсальному символическому опосредованию Образа. Галлюциногены могут быть «хорошим лекарством», как каннабис, но они также являются агентами хаоса.

Первые человеческие культурные сорта были психотропами, и поэтому первые садовники мезолита, вероятно, были шаманами (и, безусловно, шаманками, экпертками в сборе психотропов). Шаманское садоводство имеет важное значение для авангардничества. Оно не только лежит за пределами глобальной сельскохозяйственной системы, но и представляет собой своего рода сопротивление этой системе. Она проходит через посредничество многими способами, как тонкими (или духовными), так и очевидными (или материальными). Например, на самом грубом возможном уровне он может предоставлять не облагаемые налогом денежные средства, которые помогут финансировать вашу собственную свободу от работы, но также оно может генерировать наличные деньги для благих целей, таких как радикальная организация, подпольные медицинские исследования, контркультурные проекты, автономные зоны, тайные подарки нуждающимся людям, людям, больным СПИДом

и т.д. На более чисто шаманском уровне было бы довольно приятно и творчески вдохновляюще спроектировать сад, основанный на растениях с таким действительно странным и заметным присутствием, как психотропы. Более того, должно существовать глубокое чувство тайной силы в знании того, что человек создал сад, способный изменить сознание всего сообщества, даже не нарушая ни одного закона.

7. Мое нижне-ист-сайдское видение состоит из немногим большего, чем местный взгляд на понятие городского боло из книги «боло'боло» европейского автора, известного как «П.М.». Квартал с многоквартирными домами преобразуется в общий сад, когда между домами прорезается большой проход в стиле Фурье, объединяя дворы. Согласно П.М., боло в Нью-Йорке, скажем, будет иметь прямые отношения с боло в Бразилии, и еще в Италии и т.д. Товары и услуги будут перемещаться по прямым линиям или сетям связанных сообществ, тем самым устраняя посредничество Глобального Капитала. Однако эти связи должны быть установлены до революции; на самом деле успех таких сетей может постепенно изменить общество без насилия и кровопролития (как, например, предполагал Прудон или Ландауэр). Так что можно сказать, что боло'боло, система таких связей, на самом деле является революцией. Такая сеть, безусловно, существует и сегодня, хотя она остается далекой от «глобальной», все еще слабой и неуверенной в себе, почти бессознательной. Племенные народы, независимые производители кофе, жители лесов, ремесленники и тому подобные занимаются прямым маркетингом своей продукции; к сожалению, у нас нет ничего ценного, чтобы давать взамен, кроме денег. Эти внерыночные сети в основном организованы НПО [*неправительственными организациями*], некоммерческими группами и даже благотворительными организациями. Большая часть боло'боло может появиться в качестве подлинной экономической альтернативы. Система, которая начала успешно конкурировать на мировом рынке, вскоре подвергнется массовой атаке. Но «путешествие в сто ли начинается с одного шага». Кто может сказать, действительно ли триумф Глобального Капитала знаменует Конец Истории или просто окончательную катастрофическую конвульсию исторического капитализма? Одно можно сказать наверняка. Бывший «четвертый мир», большая часть бывшего «третьего» и «второго мира» и даже части бывшего «первого мира» были присвоены второстепенному статусу в рамках смелого нового порядка приватизации и огораживания. Сопротивление уже начало переосмысливать себя, чтобы отреагировать на «невозможность сопротивления» под знаком универсального товарного кодирования всей реальности. Пока я пишу, за последние несколько недель произошли стихийные беспорядки в Праге и Женеве (из всех мест!), в ходе которых американские франшизы быстрого питания были уничтожены с невероятной яростью. Несколько лет назад племенные народы Новой Гвинеи успешно сопротивлялись приватизации племенных земель Всемирным банком. Шаманские старейшины коренных народов Чьяпаса оказали заметное влияние на нео-анархистский сформулированный сапатистами ответ на соглашения NAFTA и GATT. Дела в садах Нижнего Ист-Сайда могут показаться безнадежными, но я верю, что всемирная культура сопротивления в настоящее время находится на грани согласованности в действиях. В тот момент, когда она начнет фокусироваться как на глобальном, так и на местном уровнях, садоводство внезапно предстанет в своем истинном свете, как жизнен-

но важная тактика сопротивления и как средство достижения некоторой «Утопии сейчас».

Поскольку я уже признался, что у меня бывают видения, я мог бы также попробовать свои силы в пророчестве. Формирующаяся радикальная культура ближайшего будущего будет сосредоточена на ценностях и опыте охотников, собирателей, садоводов и свободных крестьян в «исключенных зонах», отмеченных пренебрежением к Капиталу или его экспроприацией. Эта культура будет включать сильное неошаманское движение на гораздо более широком и массовом уровне, чем сейчас. Это «заразит» людей, которые хотят противостоять Капиталу во всем мире, включая большинство подлинных производителей (т.е. бывший «рабочий класс»), а также всех маргиналов, потерянных радикалов, семейных фермеров, защитников окружающей среды, недовольную молодежь, гастрософов-философов и авангард-огородников Европы, Америки и других «сопутствующих зон». Садоводство станет одной из основных экономических сил этого сопротивления, но также и центральным культурным акцентом. Если будет «Война с зайбатсу» (будь то насильственная или ненасильственная), она будет вестись частично по причине, которая является одновременно символом и сущностью реальности, предусмотренной в самом акте сопротивления: эта причина — сад. Выращивайте свой собственный мир.

Нью-Йорк

Летнее солнцестояние

1998

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Питер Лэмборн Уилсон, Хаким Бей
Авангардное садоводство
1998 год

<https://akrateia.info/>

ru.anarchistlibraries.net